

А удиравъ Ершъ бездѣльникъ тѣми рѣками, которыми шевъ раньше и о берега отеръ бока, о патарцины выцапавъ глаза... Въ то время шевъ мужикъ въ сѣромъ армякѣ и забивавъ ѣзъ на рѣкѣ; приходитъ Горша и ставитъ верша; приходитъ Богданъ--Ерша Богъ и давъ; приходитъ Осипъ--снесъ Ерша въ оскѣ; пришовъ Амосъ--Ерша изъ оскѣ унёсъ; пришовъ Провъ--принесъ дровъ; пришовъ Гаврилъ--Ерша сваривъ; пришовъ Яковъ--Ерша смякавъ; пришовъ Елизаръ--тотъ только блюдо полизавъ...

Вельскій у. 90-е годы.

29. а. „И на Машку бываетъ промажка“.

Разъ лисица пришла въ деревню и попала какъ-то въ одинъ домъ, гдѣ, воспользовавшись отсутствіемъ хозяйки, нашла кувшинъ съ масломъ. Кувшинъ былъ большой, съ высокимъ горломъ, какъ достать масло? Подошла къ нему и давай пѣхать туда свою голову и съ большимъ трудомъ запѣхала. Вдругъ приходитъ хозяйка, лисица бросилась вонъ вмѣстѣ и съ кувшиномъ, такъ какъ не могла обратно вытащить изъ него своей головы. Прибѣжала къ рѣкѣ и, сѣдя на берегу, думаетъ: „какъ ей вынуть голову изъ кувшина?“ Начала молиться кувшину: „Кувшинъ, батюшко, отпусти меня!.. Пошутить, да ужъ и будетъ“... Но кувшинъ все на головѣ. „Стой, говоритъ лисица, увидя прорубъ въ рѣкѣ (дѣло было зимою) застужу въ прорубѣ масло да и разобью“. Сказано—сдѣлано. Пришла къ прорубѣ и сунула въ нее свою голову съ кувшиномъ, а кувшинъ былъ тяжелый и большой, быстро пошелъ на дно рѣки, а вмѣстѣ съ нимъ и сама лисица...

Вельскій у. 90-е годы.

30. Мужикъ и Чортъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужицокъ - лѣсницокъ; онъ ходивъ лѣсовать не далеко и бивъ дици не много. Вотъ онъ и говоритъ самъ сибѣ: „надо сходить подальше, можоть (быть) побью побольше“. Отправивсе по одинъ день подальше и бьетъ

всяково звиря много и слышитъ въ одной сторонѣ и крикъ, и рѣвъ, но не смѣвъ тово дни пойти туды. На второй день опѣтъ-жо идетъ въ ту сторону лѣсовать и тожо бьетъ всяково звиря ощо тово больше и чуеъ тотъ-жо крикъ и рѣвъ въ той сторонѣ; онъ опѣтъ не смѣвъ туды идти, такъ оставивъ. Вотъ и на третей день идетъ туды-жо и тожо бьетъ всяково звиря много и опѣтъ слышитъ ревъ и крикъ; расположивсе: што будетъ — схожу, што тамъ такое? Приходитъ къ этому мѣсту и видитъ дерутцѣ левъ-звирь и чѣртъ. Вотъ этотъ левъ-звирь и давай просить мужичка, штобы подсобивъ этово чѣрта убить. И чѣртъ просить мужицка-лѣсницка, штобы подсобивъ лѣва-звиря убить. Мужикъ думаетъ самъ сибѣ: не знаю, которово и убить?

Если чѣрта убить, то левъ-звирь съѣстъ меня, а лѣва-звиря убить—чѣртъ помучить, помучить, да живо-жо оставить“, и рѣшивъ льва убить. Вотъ онъ взявъ свое ружье, зарядивъ ево покрипце и убивъ лѣва-звиря. Этотъ чѣртъ и говоритъ: „Цѣмъ-жо я буду тебя, мужицѣкъ, награждать? здѣсь наградить мнѣ нецѣмъ,—пойдемъ-жо, другъ, домой,—тамъ я вагражу тебя цѣмъ нибуды!“ Приходятъ онѣ къ чѣрту, бросаетъ этотъ чѣртъ шкуру лѣва-звиря о полъ и говоритъ своему отцю: „Ахъ, батюшко! сколько я не ходивъ, а все-таки лѣва-звиря погубивъ!“... „Ахъ, дитя! говоритъ отецъ,—гдѣ тибѣ лѣва-звиря погубить?“ „Да вотъ мнѣ, батюшко, мужицѣкъ-лѣсницѣкъ помогъ убить, я не знаю, цѣмъ-жо ево и наградить?“ „А вотъ што, дитя! говоритъ старшѣй чѣртъ,—есть у насъ серебряное кольцо, съ руки на руку переложить—выскачить 12 молодцей, що угодно, то и сдѣлають, отдадимъ ему, пусть онъ повисить подъ правую пазуху. Но этово, говоритъ малой чортъ, мало ему; вотъ што, другъ, пойдемъ къ царю, у царя есть много пастушковъ, пасутъ скота и дѣлають утраты во всякой день много, и порядись ты у этово царя пасти скота и будешь пасти постоянно сохранны и жалованье онъ тибѣ положить большое“. Приходятъ къ царю и говоритъ мужицѣкъ на этихъ пастуховъ, што „вы, вотъ, ходите и много утраты дѣлаете, а я буду ходить сохранны!“ Вотъ ево царь этотъ и порядивъ въ пастухи и рядивъ ему сто рублевъ въ лѣто; онъ и ставъ ходить сохранны. Этихъ, старыхъ пастуховъ

царь посадивъ въ тюрьму, имъ стало бѣдко на новово пастуха; и выходятъ царскіе дити погулеть къ острогу, вотъ этѣ острожники и говорятъ: „Эй вы, царскіе дити! подьте-тко сюды, цево нибудь скажемъ про вашево новаво пастуха“. Дити подошли, они говорятъ: „вашъ молодой (новой) пастухъ похвалѣтцѣ достать изъ-за тридевять земель, изъ-за тридесять морей, изъ тридесятого царства отъ бабки отъ довгоноски внуцьку Олену, прекрасну дѣвицю“ Вотъ дити пришли домой и сказали своему отцю. Доживаютъ до вечера, пригоняетъ пастушокъ скота сохранно, и призываетъ ево царь на-лицѣ и говоритъ ему таковы слова: „Ну, вотъ што, молодець, достань мнѣ сей-жо ноци невѣсту отъ бабки довгоноски внуцьку, Олену прекрасную, не достанешь—голова долой!“

Вотъ пастушокъ заплакавъ горькимъ горючимъ слезами и вышевъ изъ царства, да самъ сибѣ и говоритъ: „Эхъ, кабы да на эту пору, на это времецько, да старопрежній другъ-чѣртъ!“ а онъ тутъ и есть. „О цѣмъ, говоритъ, другъ, плацѣшь?“ „Да вотъ такъ и такъ, говоритъ, царь службу накинувъ“. „Однако, какую?“ „Да приказавъ достать изъ-за тридевять земель, изъ-за тридесять морей, изъ тридесятого царства Олену, прекрасную дѣвицю, взамужъ“. „Эхъ, другъ! говоритъ чѣртъ,—это намъ не служба, а службишка. Садись за плечи!“ Вотъ онъ сѣвъ за плечи къ чѣрту, и потащились. Несетъ ево чѣртъ и говоритъ таковы слова: „Вотъ што, другъ! придемъ мы съ тобой туды, а мнѣ въ домъ зайти неприступно; въ этотъ домъ ты пойдешь все равно, што поло; у воротъ стоятъ цасовые, но я напущу на ихъ сонъ, все равно, што мертвые будутъ. Когда въ первую комнату взойдешь — спить престонародье; во вторую комнату взойдешь—спятъ солдаты; въ третью комнату взойдешь — спятъ господа офицеры, и на всѣхъ я напущу мертвой сонъ; въ четвертую комнату взойдешь — спить она, прекрасная Олена; заверни ты ее съ постелькой всей и тащи по комъ хочешь, хоть по народу, не кто не пробудитцѣ“. Мужикъ такъ и сдѣлавъ: прошовъ три комнаты, взошовъ въ четвертую, взявъ ее съ периной и потащивъ скорѣе, а всѣ спятъ какъ мертвые; приносить на улицу, сажитцѣ къ чѣрту за плечи и потащились къ царю. Приходитъ онъ къ царю и кладетъ ее въ прихожую. Эта дѣвиця

по утру встаетъ и говоритъ сама сибѣ: „Ахъ, Боже мой! гдѣ же я топерь лежу? у цярѣ въ прихожей“... Вотъ приходитъ цяръ къ ней и говоритъ: „Што-жо, Олёна, прекрасная дѣвица, идешь-ли взамужество за меня?“ „Ахъ, ваше царское величество! отцево-жо я нейду за васъ, только есть-ли у васъ винцельное платье?“ „Какъ-жо, говоритъ, нѣтъ у насъ платья?“ Вотъ онъ отвелъ ей комнату съ платьемъ; она день выбираетъ, другой и третій и не могла по уму прибрать платья. „Ну, говоритъ, ваше царское величество, когда умили меня достать, такъ умійте и мое винцельное платье достать!“ Вотъ этово пастушка цяръ опѣтъ призываетъ къ сибѣ на-лицѣ и посылаетъ опѣтъ туда-жо за платьемъ. „Представъ-жо, говоритъ, къ утру, а не представишь — голова съ плечь долой!“ — Пастухъ выходитъ изъ царства и плацѣтъ тово тошняя. „Ахъ, говоритъ, кабы на эту пору, да на это времяцко да старопрежней другъ чѣртъ!“ Онъ тутъ и есть. „О цемъ, другъ, плацешь?“ говоритъ. „Да вотъ цяръ опѣтъ службу накинувъ: приказавъ достать платье винцельное“. „Ну, говоритъ чѣртъ, эта служба ницево-таки служба! Но, давай постараемся, можоть достанемъ“. Вотъ пастушокъ сѣвъ къ нему за плечи, и потащились опѣтъ. Несетъ ево чѣртъ и говоритъ: „Вотъ што, другъ, это платье у ней въ каменномъ соборѣ и въ алтарѣ подъ престоломъ. Вотъ мы когда придемъ къ этому собору, у этово собора (есть) каменная ограда и лежитъ тутъ обломковъ кирпичю много, ты бери одинъ которой поматеряя; въ этомъ соборѣ будетъ совершатцѣ служба, ты взойди въ соборъ и встанъ за печьку, а мнѣ идти туды неприступно. Вотъ я обернусь златорогой ланью, буду вокругъ собора бѣгать и служба остановитцѣ, пойдутъ меня ловить и выйдутъ изъ собора всѣ, останетцѣ одинъ монахъ, да и тотъ станетъ въ окно смотреть. Вотъ ты (въ это время) изъ-за печьки выйди и этимъ кирпичемъ въ тимѣ ево ударъ и сними съ ево монашеское платье и надинъ на себя; тогды и возьми это платье изъ-подъ престола, выходи вонъ и лови меня, я тибѣ половлюсь“. Вотъ приносить ево чѣртъ къ этому собору,—тоцно, што въ соборѣ служба идетъ, и взявъ онъ кирпичъ, которой поматеряя, заходитъ въ соборъ и встаетъ за печьку, штобы некто не выдавъ ево. А чѣртъ

обвернувшись златорогой ланью и ставъ бѣгать вокругъ собору. Пѣвціе увидали эту лань и остановили службу, другъ по дружкѣ и вышли всѣ; оставсе одинъ монахъ и тотъ смотритъ въ окно. Вотъ этотъ мужицокъ выходитъ изъ-за пецки, этимъ кирпичомъ и зашибъ монаха, снявъ съ ево монашеское платье и надѣвъ на себя; потомъ доставъ подвинецное платье изъ-подъ престола, сунувъ ево за пазуху, выходитъ вонъ и ловитъ эту лань. А люди ему и говорятъ: „Эхъ, монахъ! гдѣ тибѣ поймать эту лань? — есть полутше тебя, да не могутъ половить!..“ Онъ одно: пробираетцѣ къ ней да дружелюбить, а эта лань подвигаетцѣ къ нему да лащитцѣ. Поймавъ эту лань и сѣвъ на ее. Народъ кричитъ: „Монахъ, вались! не то увезетъ тебя“ — а онъ держитцѣ да думаетъ, какъ бы скорая уѣхать. Выѣхали на заполье, снявъ съ себя монашеское платье, повисивъ на колъ, а самъ сѣвъ къ другу за плечи, и потащились опѣтъ.

Приходитъ пастушокъ къ царю и кладетъ это платье въ прихожую. По утру встаетъ Олѣна, прекрасная дѣвица, и говоритъ: „Ахъ, Боже мой! гдѣ мое платье было, а топерь у царя въ прихожей лежитъ“. Приходитъ къ ней царь.

„Ну, што-жо, говоритъ, Олѣна, прекрасная дѣвица, идешь-ли за меня взамужъ топерь?“ „Отцево нейду, говоритъ, ваше царское величество, но есть-ли у васъ винцельные кони и карета?“ „Какъ-жо, говоритъ, у насъ нѣтъ коней и кореты?“ Вотъ онъ отвелъ ей конюшну, другую и третью; она день выбираетъ, другой выбираетъ и третій, — не могла по уму прибрать не коней, не кореты, и говоритъ опѣтъ царю: „Когда умили, ваше царское величество, меня достать, умили и мое подвинцельное платье достать, такъ умійте-жо и моихъ тройку коней и корету достать!“ Вотъ царь опѣтъ своево пастуха призываетъ и наказъ наказываетъ, штобы къ утру достать тройку коней и корету, а не то — голова съ плечь долой! Выходитъ пастушокъ изъ царства и плацѣтъ ищо тово тошняя, да и говоритъ: „Эхъ, кабы да на эту пору, на это времецько старопрежней другъ чѣртъ!“ А онъ тутъ и есть! „О цѣмъ, говоритъ, другъ, плацѣшь?“ Онъ сказавъ, што такъ и такъ, царь службу накинувъ опѣтъ. „Какую-жо службу накинувъ?“ „Приказавъ, говоритъ, тройку коней винцельныхъ достать и корету“. „Ага, па! говоритъ, — да это служба! Ну, да все-таки пойдемъ,

можоть достанемъ“. Вотъ и потащились добры молодцы опѣть. Эти копи и корета были у ней въ синемъ морѣ подъ каменной плитой. Приходятъ къ синю-мору, чѣртъ посылаетъ этово мужицка въ лафку купить двѣ свици воску ярово. Мужикѣкъ принесъ двѣ свици воско-яровыхъ; одну свицю затепливъ сибѣ, а другую товарищу. Чѣртъ и говоритъ ему: „Вотъ што, другъ! когда вся свиця изгоритъ, а меня изъ моря все-тъ нѣтъ, то и ты вайся въ воду, и тебе не жира!“ сказавъ это и укурнувъ въ море. Этотъ мужикѣкъ и давай ходить по берегу и дожидаетъ своего товарища. Вотъ у ево половина свици сгорѣла, а чѣрта все нѣтъ; вотъ уже и немножко стаеть, — ево все нѣтъ; и ставъ онъ ужъ къ нокотку прилипать свицюшку и заплакавъ горькими да горючими (слезами), „видно и мнѣ не жира“, думаетъ...

Вдругъ по морю волна заходила,—это чѣртъ и ѣдетъ на тройкѣ; выѣхавъ на берегъ и вскричавъ: „Успѣвай садитце, другъ, скорая!“ Мужикѣкъ успѣвъ вскоцить ему въ карету, и понеслись добры молодцы: гдѣ у дома уголь захватятъ—уголь процъ, гдѣ у церквей прихватятъ угла — главы покривятца. Вотъ чѣртъ и говоритъ своему другу: „вотъ што, другъ! ни доидемъ до царства, ты ихъ тпррукни, а то все ваше царство разнесемъ“. Не доѣхали онѣ до царства, мужикъ и крикнувъ (лошадямъ) „тпрруу!“ кони остановились... Вотъ онѣ доѣхали до цяря. Мужикѣкъ-пастушокъ вышовъ изъ кореты, привелъ этихъ коней къ столбу тоцѣному и привязавъ къ кольцю золоцѣному, надававъ пшеници бѣлоярыя и заходитъ къ цярю въ палаты, и даетъ знать государю, што привелъ такихъ-то коней. Царь призываетъ Олену, прекрасную дѣвицу, на лицѣ къ сибѣ: „Ну, што-жо, Олена, прекрасная дѣвица! идешь-ли топерь за меня замужъ?“ „Отцево-жо, говоритъ, нейду, ваше цярское величество, — коли вы умили меня достать, и мое винцельное платье, и моихъ коней съ коретой, ну, такъ ищо у этово своего вѣрново слуги отрубите голову, — тогда я за васъ иду замужъ“. „Нѣтъ, дѣвица Олена, не поднимаютце у меня руки срубить головы ево, сказавъ ей цяръ. Вотъ она взяла саблю и срубила голову самому цярю и взяла этово пастушка за ушка и поцѣловала ево во уста: „Пусть-жо ты мой мужъ, а я твоя жона!“ Вотъ онъ и сѣвъ на царство.

Вотъ ево старопрежной другъ чѣртъ и приходитъ (къ нему) да говоритъ: „Ахъ, другъ! сѣвъ на царство, да не на руки куделя“... Мужикѣкъ день проживъ, наступила ночь, ложитцѣ съ молодой женой спать... Эта бабка довгоноска изозналасе тамъ, што ее внуцька увезена и за цяря взамужъ отдана, и отпустила она своей силы три корабля, штобы это царство все плѣнить, головней покатить и цяря опалить. Старопрежной другъ чѣртъ приходитъ къ нему и колотитцѣ: „Ахъ, другъ, говоритъ, спишь, да свою голову проспийшь!“ Вотъ онъ вставъ, въ свою подзорную трубку поглядѣвъ (и видить:) идеть моремъ три корабля силы; онъ взявъ это кольцо изъ-подъ правой пазушки, съ руки на руку переложивъ и выскочили двѣнадцать молодцей: „Цево угодно, ваше царское величество?“ говорятъ. „А вотъ што, братци, говоритъ онъ, — эту силу всю разбить и по водѣ разметать!“ Вотъ эти молодцы и пошли по морю, все равно какъ по землѣ, и всю силу разбили и по водѣ разметали, и приходятъ на прежнее мѣсто. Переноцевали ночь, какъ ницево и не было; наступаетъ день, живутъ (молодые) преспокойно; наступаетъ опѣтъ вечеръ и, какъ только-што спать легли, эта бабка довгоноска отпустила шесть кораблей силы, надо ей царство покорить. Вотъ старопрежной другъ чѣртъ опѣтъ колотитцѣ и говоритъ таковы слова: „эхъ, другъ, спишь, да свою голову проспийшь!“ Цяръ встаетъ, въ подзорную трубку поглядѣвъ (и видить:) идеть шесть кораблей силы и тово ближе. Онъ торопесь кольцо съ руки на руку переложивъ, выскочили 12 молодцей. „Цево изволите, ваше царское величество?“ „Надо, братци, эту силу всю розбить и по водѣ разметать!“ Вотъ онъ эту силу всю разбили и по водѣ разметали и воротились на старое мѣсто. Переноцевали (молодые) ночьку, какъ нецево не бывало, живутъ и день преспокойно, наступила третья ночь. Вотъ бабка довгоноска отправила 12 кораблей силы и сама въ легкой лодоцькѣ поѣхала: надо ей узнать, куда сила дѣвается? А старопрежной другъ чѣртъ опѣтъ приходитъ и колотитцѣ: „Эхъ, другъ, спишь, да голову проспийшь!“ крикнувъ. Цяръ вставъ, въ подзорную трубку поглядѣвъ: идутъ 12 кораблей силы, а съзади идеть и сама бабка довгоноска въ легкой лодоцькѣ. Онъ кольцо съ руки на руку переложивъ, — выскочило 12-ть молодцей: „Цево изволите, ваше

царское величество?“ „А вотъ што, братци, говорить, надо эту силу разбить и по водѣ разметать, а бабку довгоноску въ гости созвать“. Онѣ эту силу всю разбили, по водѣ разметали, а бабку довгоноску въ гости созвали. Вотъ зять ея молодой сталъ угощать всякими напитками, въ томъ числѣ и самъ напивсѣ, сдѣлавсѣ оцень пьянъ и легъ спать, отдыхать со своей молодой женой, а жона ему и говорить: „Какъ-жо ты у моія бабушки силу губивъ?“ „А своей, говорить, русской храбростью“. „Врешь, што нибуль да есть у тебя?“ Онъ съ пьяна то и сказавъ, што у меня подъ правой пазушкой на шовковой лентоцкѣ есть серебряное кольцо,—съ руки на руку переложу,—выскочить 12-ть молодцей, што надо, то и сдѣлають“. Вотъ и заснувъ. А жона ево возьметъ да это кольцо и срѣжотъ и выйдетъ съ этой бабушкой вонъ. Бабка возьметъ это кольцо съ руки на руку переложила, — выскочило 12-ть молодцей: „Цѣво изволите, бабка довгоноска? спросили тѣ. „Это царство, говорить, все покорить, поплѣнить, головней покатить и царя опалить!“ Вдругъ это царство и загорѣло, головней все покатило и самово царя опалило. Эта бабка со своей внуцкой сѣла въ лодку да и обратилась въ свое мѣсто. Вотъ старопрежний другъ чѣртъ и приходитъ къ своему товарищу и говорить: „Ахъ, другъ! я тибѣ говоривъ, што не на руки куделя“... Взявъ ево, посадивъ на плечи и унесъ домой. Принесъ домой и говорить своему отцю: „Ахъ, батюшко! у меня што надъ другомъ-то сдѣлалось—всево опалило!“ „А вотъ што, дитя, слазай-ко въ подполье, у меня есть тамъ кувшинчикъ о двѣнадцати рыльцяхъ—принеси“. Чѣртъ этотъ кувшинчикъ доставъ и ставъ лецитъ своево товарища, и вылепивъ, тотъ сдѣлавсе ищю лутше прежнево; вотъ и говорить ему: „А, што, другъ, не желаешь-ли своей жоны повидать?“ А онъ отвицѣтъ: „Эхъ, другъ! да гдѣ-жо мнѣ топерь своя жона повидать?“ „Да ежели желаешь, говорить чѣртъ, такъ садись за плечи, сицясъ посмотримъ“. Вотъ онъ тутъ сѣвъ за плечи и потащилисѣ добры молодцы. Дорогой и говорить чѣртъ ему: „Вотъ што, другъ! онѣ топерь съ дорожки въ банѣ моютцѣ, а въ баню мнѣ зайти тутъ можно; возьми-жо ты свою саблю и встань въ передбанѣ, а жона твоя изъ бани поидетъ, ты не тронь ея, а бабка поидетъ, то какъ только она въ двери голову покажетъ, я

съ зади немножко подпехну, — ты и не зѣвай, руби ей голову саблей“. Приходятъ добры молодцы къ этой банѣ, какъ есть онѣ съ дороги моютцѣ въ ней; чѣртъ и забравсе въ баню къ нимъ, а мужицкѣ вставъ въ передбанѣ. Вотъ выходитъ жона ево изъ бани, сунула во двери голову и говоритъ своей бабкѣ довгоноскѣ: „Ахъ, бабушка! русскимъ духомъ пахнеть!“ „Што ты, дитя,—отвицѣть бабка,—какой здись русской духъ? ты жила тамъ,—тибѣ все русской духъ и цуетцѣ“... Вотъ жона и ушла изъ бани; бабка одна осталась въ банѣ. Вотъ и она покатила водой и пошла вонъ; во двери только-што голову показала, чѣртъ съ зади немножко попехнувъ, а мужицкѣ и отсѣкъ ей голову, взявъ за носъ и бросивъ въ море; на ногу вставъ, другую раздѣрнувъ и тожо въ море бросивъ. Пришовъ онъ къ своей молодой жонѣ, беретъ ее за руку и отправляютьцѣ въ свою мѣстность, и построивъ онъ опѣтъ свое царство ищю лутше прежнево, и ставъ онъ со своей жоной жить да царствовать, тѣмъ и сказка концѣтце!..—

Вельскій у. Зап. со словъ Матушкина. 90-е годы.

31. Жарь-Птица.

Жилъ-былъ царь, у этово царя жона была такая прекрасная, што лѣтъ 30-ть некто не выдавъ ее въ лицѣ,—подъ скроемъ водивъ. Жона принесла ему трехъ сыновъ; стали онѣ выростать до большово возраста, и ходили онѣ во зеленой садъ гулетъ и по нотамъ плясать. Вотъ приходятъ съ гуленья и говорятъ своему батюшку таковы слова: „Ахъ, батюшко! выпусти ты нашу матушку, пусть она посмотритъ, какъ мы гулѣмъ“. Онъ послушавъ ихъ, выпустивъ ее на балконъ. На ту пору, на то время прилѣтѣла Жарь-птица, схватила ихъ матушку и унесла за тридевять земель, за тридевять морей въ свое царство. Говоривъ тогды царь своимъ сыновьямъ таковы слова: „вотъ я васъ послушавъ, выпустивъ вашу матушку, а свою жону, и намъ больше ее во вики не видать!..“ Большово сына звали Ѳедоромъ, среднево — Васильемъ, а младово—Иваномъ; они и пошли добиратцѣ своѣ матушки. Спервонацялу зашли онѣ въ кухню и сковали сибѣ по ципѣ по желѣзной. Шли да шли